

Сочетание разума с духом — путь к общечеловеческому единству

В.М. Межуев, доктор философских наук

У меня принцип — я не вступаю в полемику, в спор с верующими людьми. Как можно спорить о вере? Вера — чувство глубоко интимное, как и любовь. Мне кажется, что и сами верующие не склонны к диалогу по поводу своей веры. Вера дана свыше и не подлежит обсуждению. Бог открывается человеку через Слово, Священное Писание, которое можно принимать на веру или не принимать, но бессмысленно искать содержащимся в нем откровениям логическое или фактическое подтверждение. Спор же — это способ общения между светскими людьми по поводу собственных слов и мнений. Каждое из этих мнений можно опровергнуть или дополнить другим. Из человеческих слов и текстов складывается человеческая культура, которой и занимаются гуманитарные науки. Культуру следует отличать от культа, от мифа и религии.

Религия для верующего человека — не часть культуры, не то, что создано человеком, а то, что ей предшествует. Ни один верующий не считает свою веру порождением культуры. Наоборот, культуру, как правило, принято выводить из культа, из религии, в нашем случае православной. Культура — европейское открытие. Культура, конечно, существовала с момента возникновения человечества, но открыли ее европейцы. Возможно, с этого открытия и начинается западная цивилизация. То, что люди со своими богами живут в культуре, являются ее продуктом, верно с европейской точки зрения, но не для людей, принадлежащих к неевропейским культурам. В древних цивилизациях Востока народы отличали себя от других по признаку своей принадлежности

не к определенной культуре (или цивилизации), а к определенной религии. В России долгое время критерием принадлежности к русской нации служило православное вероисповедание. Культурная самоидентификация характерна, прежде всего, для европейского человека. Не проводя различия между культом и культурой, нельзя понять своеобразия, особенности той цивилизации, которая родилась в Древней Греции и которая получила обобщенное название западной. Именно в границах этой цивилизации была открыта, осознана принадлежность человека к миру культуры, что, разумеется, не исключало его принадлежности к двум другим мирам — божественному и природному. Данное открытие, получившее название «открытия человека», послужило основой возникновения гуманизма и гуманитарной науки.

Я не собираюсь здесь спорить об основах христианского вероучения, в чем не считаю себя большим специалистом. Но меня несколько беспокоит наметившаяся сейчас тенденция противопоставления православия тому, что было наработано Западом и Россией в плане светской культуры — науки, образования и пр. Уже учение Дарвина некоторые предлагают изгнать из школьных программ. Так мы далеко уйдем. Но как, действительно, может ужиться в сознании нации религия и светская культура? Может ли их взаимоотношение быть бесконфликтным? Вопрос совсем непростой ни для Запада, ни тем более для нас. Он одновременно и мировоззренческий, и философско-исторический, не имеющий простого и однозначного решения. Примирить веру и знание в рамках единой образовательной системы пытались и в Европе, и в дореволюционной России, что никак не снимает принципиального расхождения между двумя картинами мира — религиозной и научной. Очевидно, каждая из них по-своему ценна в плане человеческого существования, отвечает на глубинную потребность человеческой души и духа. В этом и надо разобраться в первую очередь.

Все религии мира, включая христианскую, являются, на мой взгляд, продуктом восточной ментальности, возникли

на Востоке. Я всегда считал христианство восточной совестью Запада. Но почему именно Восток стал родиной всех мировых религий? Выскажу на этот счет собственное мнение. Важно отличать восточную духовность от восточной социальности. Мы высоко ценим восточную духовность, но хотели бы жить в условиях восточной деспотии? Нельзя забывать, что восточная духовность — это своеобразная самокритика Востока, восточной социальности, способ ее духовного преодоления. Восточная социальность с ее общинно-аграрным строем и государственным деспотизмом — исторический тупик. Социальность подобного типа никуда не ведет, постоянно воспроизводится в истории в неизменном виде, может лишь регенерировать. Рушатся империи, сменяются цивилизации, а природа общественного строя остается одной и той же. Это и есть Восток. Поэтому человек, преодолевая его, уходил вверх, строил религиозную вертикаль в направлении неба, искал избавления от тягот жизни по ту сторону земного мира.

Что противопоставил этому Запад? Он опрокинул эту вертикаль в человеческую историю, превратил ее в горизонталь, увидел решение проблемы не на небе, а в бесконечно ддящемся историческом прогрессе, в светлом будущем. Западным эквивалентом восточной религиозности стала социальная утопия. Мир всеобщего спасения и благоденствия — не в загробном мире, а в истории. Запад, собственно, и открыл историю, движение по пути общественного прогресса, как бы его не понимать. Духовная вертикаль в сочетании с исторической (социальной) горизонталью и есть логика этого движения. Человеческая мудрость, на мой взгляд, и состоит в том, чтобы не противопоставлять их друг другу, а найти между ними какой-то разумный синтез. Можно ли развиваться в направлении все большей человеческой свободы, сохраняя при этом высокие духовные и моральные ценности, которые принесла с собой религия, ее высший плод — христианство? Восточная духовность в ходе эволюции пришла к осознанию абсолютного изме-

рения человеческого бытия. Тут и спорить не о чем. А вот Запад в своей истории сделал попытку найти для этого измерения социальный эквивалент, преодолеть восточную социальность, базирующуюся на полном подчинении индивида верховной власти. Духовный опыт Востока в сочетании с общественно-историческим опытом Запада и есть, на мой взгляд, единственно возможное решение проблемы будущего человеческой цивилизации.

И последнее, что я хочу сказать. Мне понравился доклад. Он затронул много тем, о которых можно говорить, но для этого у нас, к сожалению, мало времени. Я задал вопрос: в какой мере христианская религия (в частности, православие) может служить признаком существования особой — христианской — цивилизации? Цивилизация, как известно, — латинский термин, возникший до христианства. Изначально цивилизация — парафраз греческого полиса: цивилизованный человек — тот, кто живет в условиях Римской республики, является ее гражданином. В наше время под цивилизацией стали понимать любую крупную культурную общность людей, объединенную, прежде всего, единством веры. В середине XX в., по А. Тойнби, наблюдалось 5 живых цивилизаций третьего поколения. Не буду их перечислять, вы их знаете. Каждая из них отличается от другой по многим параметрам, но, прежде всего, типом религиозной веры. Христианство как мировая религия представлена двумя цивилизациями — западной и восточно-православной, идущей от Византии. Религия является как бы последней чертой, отделяющей одну цивилизацию от другой. Она как бы раскалывает мир на локальные цивилизации. Мой вопрос: насколько оправдано приравнивание цивилизации к религии?

Поясню его. Цивилизации, родившаяся в Риме, была по своему замыслу и истоку *универсальной цивилизацией*, объединяющей людей посредством не религии, которая у людей разная, а права, уравнивающего всех граждан безотносительно к их вероисповеданию. Запад после Рима впервые

в истории человечества попытался создать цивилизацию, базирующуюся не на религии, а на правовых и научных универсалиях, имеющих рациональный и формальный характер и потому не требующих для себя никакой религиозной санкции. Право и наука — вот реальный вклад Запада в историю цивилизации. С возникновением внерелигиозного универсализма связана, на мой взгляд, и идея цивилизации, которая в принципе может быть только одной для всех стран и народов, т. е. универсальной. Эту идею иногда называют «римской идеей». Можно верить в каких угодно богов, но в социальном мире люди должны быть связаны друг с другом посредством правовых норм и законов, гарантирующих каждому свободу выбора в любой сфере человеческой деятельности. Если о божественных истинах не спорят, то человеческие истины — предмет постоянного обсуждения и диалога. Цивилизация — это состояние постоянного спора и дискуссии, где каждый имеет право на собственное мнение, на свободный поиск истины и личное творчество. Иными словами, религия духовно — нравственно — образует людей, цивилизация делает их лично свободными. Общественное состояние, в котором индивид еще не обрел всей полноты свободы, не заслуживает названия цивилизации или является ее частным, неполным, до конца не сложившимся проявлением. В своем собственном качестве цивилизация, повторю, представляет собой универсальную, единую для всего человечества форму общественного существования людей, делающую каждого свободной индивидуальностью. Пока такая цивилизация не утвердилась на планете, нельзя говорить и об ее окончательной победе над варварством. Если в заслугу христианству следует поставить его победу над язычеством, то только цивилизация в лице рациональной — правовой и научной — мысли способна победить варварство. Очевидно, оба процесса как-то связаны между собой, и важно не упустить эту связь.

И два слова о России. К сожалению, опять скороговоркой. Из того, о чем я говорил выше, ясно, что я — не сторон-

ник теории локальных цивилизаций, разделенных между собой непреодолимыми религиозными барьерами. Вспомним, как русская общественная и философская мысль отреагировала на выход в свет книги Н.Я. Данилевского «Европа и Россия». Вл. Соловьев назвал эту книгу «вырождением славянофильства», не отрицавшего при своем зарождении духовной близости России с Европой. За ним эту оценку повторит С. Франк, Г. Флоровский, другие русские философы. С Данилевского начинается линия русского консервативного национализма (вплоть до евразийства), отрицающая какую-либо общность русской и европейской культур, возможность диалога между ними. Если ранние славянофилы — братья Кириевские, Хомяков, Самарин, Аксаков — усматривали в «русской идее» вселенское, универсальное начало, выводящее Россию за рамки узко и эгоистически понятого антропологического этнизма и национализма, то Данилевский полагал, что между славянским культурно-историческим типом и другими нет ничего общего. Ранние славянофилы не противопоставляли Россию Европе, а лишь спорили о том, какой тип универсальности сможет объединить их. Главным для них был вопрос о том, что может послужить основой для всеобщего согласия людей — разум или дух? Короче, они искали путь к воссоединению России с остальным миром, а не к ее обособлению от него.

С моей точки зрения, только сочетание разума с духом, рациональной мысли с многообразием религиозных вер и культур способно решить проблему общечеловеческого единства. Подобное сочетание предполагает право каждого на свободный выбор, что достигается в условиях гражданского общества, правового порядка и предельно развитых демократических институтов. Оно противопоказано любому виду насилия над личностью — как политическому, так и духовному. Такой порядок и несет с собой цивилизация, как я ее понимаю, причем по мере своего распространения по всему миру. В своем современном виде она, возможно,

еще не стала тем, чем является по своей сути, не обрела черты подлинной универсальности, сохраняет в чем-то элементы варварства (социальная несправедливость, национальное обособление и неравенство и пр.), но альтернативы ее развитию в истории я просто не вижу. И не надо ставить на ее пути религиозные и государственные барьеры, уходить от нее в заоблачные выси. Не лучше ли найти способы ее примирения с собственными религиозными святынями и культурными ценностями, попытаться духовно и нравственно облагородить ее историческую поступь. Противостояние цивилизации, пусть и заявившей о себе впервые на Западе, — путь в никуда, повторение судьбы Византии, которая погибла, не будучи в состоянии примирить свою религию и общественно-политический строй с историческим прогрессом, возвещенным эпохой Ренессанса и гуманизма.

А.И. Неклесса

В сущности, у нас слово цивилизация на сегодняшний день — это две разные категории под одним названием. Я не знаю, имеет ли смысл их противопоставлять? В одном случае под цивилизацией понимается, по сути дела, культура, культурно-исторический тип.

В.М. Межуев

Цивилизация, действительно, антитеза варварства, а варварство есть абсолютизация различий между людьми.

А.И. Неклесса

Я не хочу сказать, что есть одно понимание цивилизации, которое, как я сказал ранее, впервые сформулировал маркиз Мирабо. Слово-то возникло как раз не в Риме, а во Франции. При всем при том это лишь одно понимание. Круг рассуждений людей, говоривших о цивилизации в культурно-историческом плане, весьма широк. Но они, по сути дела, если в европейской категориальности, рассуждали больше о

культуре, чем о цивилизации, хотя использовали при этом это слово. А второе мое замечание было, что я бы не стал так уж идеализировать ситуацию, как некоторый идеальный тип, Римской империи. Там не было ситуации свободы мысли, именно возможности атеизма и произвольного исповедания в качестве некоторого такого юридически сциентистского пространства. Там существовала гражданская религия, и эта религия была обязательна для исповедания. Она была необязательна для тех, кто не входил в территорию провинций. Если сказать современным языком, она была свободно присоединившимся государством. В рамках римского гражданства, римских провинций существовала своя религиозная система, обязательная для исполнения. Я имею в виду исповедание культа императора.

В.М. Межуев

Я считаю Рим только началом становления универсальной цивилизации. Рим дал идею такой цивилизации («римскую идею»), которая затем по-разному воплощалась в восточной и западной части Римской империи. Для меня православие есть соединение христианства с Римской империей, прямым продолжением которой и была Византия. А вот западная ветвь христианства оказалась в итоге соединением христианства с правовым идеалом Римской республики. Сначала Запад также пошел по пути восстановления подобия Римской империи (Священная Римская империя Карла Великого), но в результате, как известно, пришел к образованию национальных государств и восстановлению республиканской формы правления. Если в случае Византии (а вслед за ней и в нашем) имперская власть как бы подмяла под себя Церковь, поставила ее себе на службу, то на Западе возник другой перекокс, когда эгоистический частный интерес одержал верх над заповедями христианской морали. Если в первом случае возник вариант, который можно было бы назвать попыткой насаждения морали без свободы, то во втором — разгулом индивидуальной свободы без мора-

ли. Ни одному из них не удалось в полной мере сочетать христианскую мораль с политической и духовной свободой отдельного индивида. А именно в таком сочетании, на мой взгляд, и состоит решение проблемы цивилизации, которая способна сплотить и сохранить человечество в планетарном масштабе.

Осташков.
Художник А.И. Калашников